

Рант Азия

ВОЙЦЕХ
СОМОРУ

СКАЗКИ
ТЕНИ

Ц
И
Я
Н

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С61

Иллюстрация на обложку *Ирины Боглаевой*
Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Сомору, Войцех.

С61 Циян. Сказки тени / Войцех Сомору. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 368 с. — (ФантАзия).

ISBN 978-5-17-158006-3

Когда твой отец — придворный шэнми, единственный не сожжённый в Империи маг, жизнь должна казаться прекрасной. Сам Император благоволит к вашей семье, выбирай любую дорогу, Цинь Кан. Только не забудь, что ты — сын проклятого. Никто не пожмёт тебе руку, никто не подставит плечо, а в подвале вашего дома — толчёные кости и Тень, что ждёт плату за украденные силы. И у тебя нет против неё оружия.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158006-3

© Войцех Сомору, 2023
© Боглаева И., иллюстрация на обложку
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ЧУДОВИЩЕ

— Куда мы идём?

— В подвал.

— Но... туда же нельзя.

— Сегодня можно.

Отец нервничает, он это чувствует. Но мальчик послушно идёт за ним, вцепившись в руку и впервые не думая, что ему любопытно, что же там, в подвале. Сколько раз он пытался туда заглянуть? Однажды даже проскользнул, украв из кабинета ключ, — и через минуту его вытащили оттуда за шиворот и избили. Никогда, ни при каких обстоятельствах ему туда нельзя. Эти слова долго болели синяками на теле, а запомнились навсегда. Он сын шэнми, он должен, обязан соблюдать правила. Если хочет выжить, конечно, — это его глупая голова должна усвоить. Раз и навсегда.

Так почему теперь можно?

Мальчик садится на стул и смотрит на отца в последний раз перед тем, как закроет по его просьбе глаза. В послед-

ний раз перед тем, как сделает глубокий вдох и услышит мерный шелест печатей. Ему всегда было жаль, что у него не такие же светлые волосы...

- Считай.
- До скольких?
- Пока не остановлю.
- Хорошо. Раз.

Подвал выглядит как подвал, ничего необычного: сырость и мрак. Так почему же сюда было нельзя? Может, это ещё одно правило, урок сыновней почтительности? Мальчик болтает ногами — не дотягивается до пола, сидя на стуле. От этого как-то неудобно... Тревожно.

— Два.

Он — сын шэнми, но сам не шэнми. Кто такой отец? Другие дети дразнили мальчишку «выродком проклятого». Таких, как папа, сжигают, это он тоже знает. Им не рады. Шэнми могут делать то, что обычные люди не могут. От них отворачиваются, испытывая необъяснимую неприязнь... Странно. Он ничего подобного не чувствует. Ещё ему говорили, что отец ест детей, — но это же совсем глупость.

— Три.

Вдруг становится больно, колко, невыносимо, словно сердце пропускает удар. И ещё один. И ещё. Мальчик хватается ртом воздух, но не может вдохнуть. Пытается открыть глаза, но не получается. Его парализует, окутывает холодом и нанизывает на иголку, точно насекомое, а затем...

«Че-ты-ре».

Он считает, хотя не может открыть рот. И видит, хотя глаза не открываются.

Мальчик видит Чудовище. Оно было здесь раньше, и оно будет здесь, даже когда дом разрушится и от него останется лишь остов, который завалит землёй.

Чудовище будет всегда и везде, скрываясь в темноте, — безликое, холодное и голодное. Облизывать ноги собственной тенью, скалиться из каждого угла. Но сейчас Чудовище в подвале, стягивается смоляными каплями к стулу, подступая всё ближе и ближе к мальчишке, который не может пошевелиться. Он не может сбежать. Он чувствует чужое дыхание и силу, что медленно и неизбежно оплетает его, вцепившись не в тело, а в душу. Он принадлежит Чудовищу — это стало так же ясно и понятно, как день и ночь. С самого рождения оно просто ждало. Но, может, настала пора забрать его?

«П... пять...»

Он хочет сбежать. Наверх, по старой деревянной лестнице, к свету, к солнцу и жи зни. Быстрее. Почему не слушаются ноги? Почему он не может открыть глаза? Почему он принадлежит Чудовищу?!

Боль гудит и нарастает, становится острой и пульсирующей. Иголлка, на которую мальчика словно нанизали, впивается в самую грудь, и сквозь барабанный бой ужаса он вдруг слышит, как сердце сделало удар.

«Шесть».

Мальчик открывает глаза, но сначала ничего не видит, только мглу, почти живую, что вдруг растекается и исчезает в углах. Его голова невольно падает на грудь, но сверху опускаются руки.

Отец.

Почему его пальцы дрожат? Почему он поднимает его голову и пытается измерить пульс? Почему он бормочет? Тоже считает?

— Сто тридцать пять, сто тридцать шесть, сто тридцать семь... Кан?

Его зовут Кан.

— Чу... чудови...

Его подхватывают на руки и прижимают к себе так крепко, что кости, кажется, вот-вот треснут.

— Оно больше не придёт. Всё. Всё закончилось.

Почему отец плачет?

— Семь...

— Не считай. Всё. Всё. Тебя никто не отнимет.

Оно в тенях... Он знает. Голова кружится, и он теряет сознание, но точно на всю жизнь запомнит, что оно — в тенях.

Отец такой тёплый, и волосы светлые, словно солнце...

Кан вскочил с кровати, тут же зашатавшись и опершись о стенку. Опять этот кошмар. Перед глазами всё поплыло, и Кан опустился на пол, смахивая со лба капли пота. Как же ему это... надоело. С тех пор как сон с Чудовищем начал преследовать его, Кан боялся теней, хоть и старался скрыть это от всех. Ему не нравилась ночь, а сестра дразнила трусом за то, что его силой теперь было не заманить к отцовскому подвалу. Ну и Бездна с ней, бешеная девчонка. Надо собраться — он в порядке, он дома, сейчас утро.

Кое-как поднявшись, Кан пошлёпал босыми ногами к двери, отодвинул её и вышел в коридор, направляясь к отцовскому кабинету. Прокравшись внутрь, он замер перед повешенным на стену *гуань дао*¹, внимательно его рассматривая. Чудовище никуда не денется. Это чувство обречённости теперь тоже пряталось в прохладе тени и скалилось на него каждое утро после кошмара. Так не пойдёт. Клинок гуань дао и раньше привлекал его внимание, но сейчас... Кан заморожено смотрел, как лучи солнца разбиваются об отполированное стальное лезвие. Он подтащил стул, взобрался на мягкое сиденье, и тонкие пальцы потянулись

¹ Гуань дао — китайское холодное оружие, похожее на глефу или алебарду, состоящее из длинного древка с боевой частью в виде широкого изогнутого клинка; общая длина оружия колеблется в пределах 2 метров.

к древку, чтобы схватиться за него. Кан встал на носочки и попытался стянуть оружие со стены... Тут же раздался оглушительный грохот — не удержав оружие, он рухнул на пол вместе с ним.

— Кан, опять ты в моём кабинете, дрянной мальчишка?!

Бездна подери! Кан бросил добычу, как самый настоящий трус, и метнулся к окну, поднял его и выскочил на раскалённую черепицу, затылком чувствуя, что его вот-вот нагонят. Прямо в пижаме, шипя от огненной боли в босых ногах, он понёсся по крыше через весь двор отчего дома к своему окну, но...

— Я тебя из-под земли достану!

Кан с ужасом хихикнул, черепица выскользнула из-под пальцев, и он полетел вниз, подхваченный в последний момент невидимой силой за лодыжку. Что-то цепкое трянуло его, подняло выше вверх тормашками и потянуло обратно к отцовскому кабинету, раскачивая то влево, то вправо. Кан попытался зацепиться за крышу руками, но без толку. Нечто метнуло его на пол прямо под ноги Аманю, который опёрся на свой гуань дао, слегка склонив голову набок. Когда отец успел вырядиться в парадное ханьфу?

— Мне тебе руки отрубить, чтобы ты перестал хватать лишнее, или ноги, чтобы не убегал? Ах, знаю — пожалуй, и то и другое!

— Отец, я случайно!

— Случайно ты родился моим сыном, не иначе! Зачем оно тебе?

Действительно, зачем? Кан встал, отряхнулся от пыли, вскинув голову, гордо взглянул на отца и наконец выпалил:

— Я не хочу быть послом!

— Что?!

— Я. Не хочу. Быть. Послом. Или учёным. Я хочу воевать.

— Чушь. Ты не в состоянии даже оружие со стены снять.

— Я научусь!

— Не обсуждается. Марш во двор!

Опять во двор. Кан вздохнул, молча поклонился и вышел из кабинета, спиной чувствуя провожающий его взгляд отца. Всё в той же пижаме вышел во двор дома и привычно встал на колени, снова тяжело вздохнув и прикрыв глаза. Ничего отец не понимает, а вот Кан всё понял ещё в тот момент, когда схватил древко. Ему нет смысла бежать от Чудовища. Если оно везде, даже во снах, это не поможет. Надо стать сильнее. Надо прогнать его. Стать таким, чтобы его не сожрали. И как этому помогут знания учёного или навыки посла? Бред. А вот гуань дао... Это оружие. Это другое. Воины сильные, быстрые, они ничего не боятся. Он тоже хочет ничего не бояться, так что выбор очевиден. Даже если каждый день придётся стоять на коленях перед отчим окном за несоблюдение сыновней почтительности, он не сдастся. Разве не отец всегда учил его стоять на своём? Хватит с него кошмаров. Подвалов. Страха.

Ему уже целых шесть лет, и он твёрдо уверен в своём выборе.

БАЙ

- Смотрите-ка, сынок шэнми выполз!
- Иди сюда, недомерок, где твой папочка?!
- Трупы с личинками пожирает.
 - А шэнми едят личинок?
 - Конечно едят. А ещё червей с могил.
 - Врёшь!
 - Да ни в жизнь! Мой отец так говорил. Эй, Кан, струсил? Кому сказали, иди сюда!

И так каждый день. Кан поморщился, продолжая идти и смотреть прямо. Не ускорил темп, только про себя начал считать до десяти. Он выше этого, выше, выше... С глухим ударом в затылок прилетел комок грязи, и Кан замер, а затем медленно повернулся к обидчикам: сыну и племяннику министра экономики, которые скалились на него. Ну и уроды! Один жирный, другой тощий, хоть истории про них трави. Но вот же, пушок под губами уже появился, а ещё оба длинные, как бамбук, не то что он.

Ладно. Вырастет, будет выше и сильнее, чем эти, и всем им покажет. Потом.

— Чего ждёшь? Ещё приглашения?

— Ты не прав, Ляо... — Кан улыбнулся, подражая отцу — вроде мягко, а по глазам видно, что сейчас вгонит нож в горло. — Шэнми не едят личинок. Или червей. Они человечину едят. Све-жу-ю.

— Что-о-о?!

— Да. Человечину. — Кан сделал шаг в сторону мальчишек, и что-то в его фигуре заставило их отступить. — И очень важно, чтобы она была свежей. Ты же сам говорил, что трупы пожирают? Это неправда. Нужны живые дети. Смышлёные. Те, что видели солнце и знают, как радоваться. Тогда получаются самые сильные тёмные ритуалы. Взрослые уже хуже, а вот щенок твоего возраста подойдёт идеально. — Ещё шаг вперёд. — Но это только мясо. А жир топится на ритуальные свечи, кости толкутся. А знаешь, что можно сделать с сердцем? Показать?

— Да ну тебя в Бездну, психованный!

Мальчишек как ветром сдуло, а Кан поморщился и стряхнул с затылка грязь, с презрением глядя на дом министра. И это он ещё до тренировочной площадки не дошёл.

* * *

Каждый его день начинался и заканчивался одинаково. Спал Кан катастрофически мало, а всё потому, что вставал ещё до рассвета, завязывал себе глаза и отрабатывал удары и стойки во дворе. Сестра, поймавшая его за этим престран-ным занятием, однажды свесилась через перила и ехидно поинтересовалась, что за дурная идея опять пришла в его пустую голову. Объяснений, конечно, не получила, как и через день, и через неделю, пока не притащила за рукав

сонного отца, догадавшись, что уж ему-то в ответ её брат промолчать не сможет.

Пойманный за шиворот Кан сознался, что это не просто так, и он всё-всё понял и предусмотрел. Он так благодарен отцу за дозволение ему учиться военному делу (всего-то и потребовалось суток пять, хоть и не подряд, постоять на коленях и выслушать серию нотаций о том, какой он болван). Но вот беда — что делать воину, если против него окажется такой же, как отец? Магия — опасное оружие, особенно против человека, будь у него в руках хоть самый распрекрасный гуань дао. Печати шэнми одним своим видом способны либо глаза выжечь, либо разум отнять, — отец сам говорил. А значит, надо научиться драться вслепую.

Амань эту речь восьмилетнего воителя выслушал скептически, заявив, что сын его беспросветно находится разумом своим в тяжёлой хвори. Но раз ему нечем заняться в такую рань, а сестре его, судя по всему, тоже, то вот пусть она его и колотит. А тот, кто не может побить девчонку, шэнми тем более не победит. Сюин предложение восприняла с совершенно излишней радостью и вот уже которую неделю избивала Кана бамбуковой палкой.

Получив порцию синяков от сестры, Кан завтракал и встречал преподавателей, потому что те послабления, которые допускались для мальчиков, отдавших предпочтение войсковой службе вместо службы в кабинете, на него, по мнению отца, не распространялись. Хочет махать оружием — прекрасно, но он не позволит своему сыну стать таким же безграмотным идиотом, как эти недоразумения рода человеческого, что растут в генеральских семьях. Разобравшись с классической литературой, каллиграфией, историей и прочими науками, Кан шёл к преподавателю фехтования, а от него уже полз домой. Если отец был дома, доползал он до того самого подвала, где с завязанными глазами учился

по выжженным на земле печатям повторять заклинания. И хотя каждый раз, когда Кан спускался, сердце сжималось, — он молчал. Засыпал он уже без сил, слабо чувствуя собственное тело, а голова и вовсе отказывалась работать.

Так было день за днём. Пока в его жизни не появился этот проклятый Бай.

* * *

Бай перешёл к его преподавателю, когда Кану исполнилось девять. Он и его дружки — каждый старше Кана на три года минимум, все из военной аристократии, — появились на пороге тренировочного дома жарким летним днём. И первое, что они сделали — затащили «сынка шэнми» на задворки и от души избили мешками с песком, настоятельно посоветовав не позорить их призвание и убраться вон читать свои книжки.

— Думал, меня смутят твои пугалки? Ни-че-го ты не можешь, знай своё место, — сплюнул Бай, с презрением глядя на Кана, сжавшегося на земле.

— Да пошёл ты...

— Только вздумай взрослым вякнуть, тень папочки! Неделя тебе, чтобы исчезнуть, или поберею налысо, помяни моё слово.

Кто-то из троицы пнул его в бок на прощание, но Кану уже было всё равно. Кое-как встав, он принялся стряхивать с себя пыль, морщась от боли и думая о том, что впереди ещё тренировка, а рёбра как-то нехорошо болят. Плохо. Следов гад не оставил — видимо, Кан не первый. Обойдётся. Сжимаемая под палящим солнцем деревянный меч и в который раз повторяя выпад, Кан впервые думал не о Чудовище. Оно осталось в тених подвала, но сейчас, при свете дня, появилось ещё одно: оно рядом, скалится и поджидает его. Кан упор-

но взмахивал мечом снова и снова, погружаясь в какой-то гипнотический транс, чтобы отвлечься от прыщавой рожи. Он пришёл сюда не за тем, чтобы сбегать от каждой проблемы. Рёбра болели, перед глазами расплывались алые круги, но одно он осознал окончательно: в этом ухмыляющемся уроде он видел всех, кто дразнил его. Всю эту аристократическую шваль, растущую в домах по соседству, не способную смириться с тем, что проклятый может не гореть на костре, а беречь семью и служить Императору. Его не признают равней. Никогда. А ведь его род не менее древний, чем у того же Ляо. И всё почему? Потому что они боятся. Но не Кана — в этом-то и заключается самая большая проблема. Неделя, значит... Хорошо.

— Кан! Кан, ты в порядке?

Почему голос учителя звучит, как сквозь вату?

— Смотрите, малохольный в обморок грохнулся! — раздалось откуда-то сверху, и последним, что он услышал, был смех...

Рёбра очень болели.

* * *

Прошло три дня. Преподаватель потребовал открыть книги на двадцать пятой странице и внимательно изучить схему блокирования удара. Кан, как и все ученики, погрузился в чтение с непроницаемым лицом, но про себя он считал секунды. Он не выдал своего нетерпения ни взглядом, ни дрогнувшими уголками губ, ни даже жестом, только сердце бешено колотилось, что у птицы.

— Я... Я... Учитель, я... я не вижу! Ничего не вижу! Учитель!

Все ученики замерли, замер и Кан. Вместе с десятком остальных он синхронно повернулся в сторону друга Бая,

